

ГЛАВА 1

Галя не из пугливых, много повидала, но крик Димы, раздавшийся в трубке, она никогда не забудет:

— Настю машина сбила!

В глазах потемнело, и будто что-то тяжелое и твердое ударило прямо в солнечное сплетение. Она хватается ртом воздух, а ни вдохнуть, ни выдохнуть не может. Казалось, прошла вечность, пока она смогла взять себя в руки.

— Что с ней?

И услышала горький плач племянницы. В сердце будто возник самый острый нож, какой только может быть на планете, и Галя с трудом сдержала стон.

— Наверное, ногу сломала. Левую. Большую берцовую кость. — Дима выстреливал фразами.

— Перелом закрытый?

— Да.

— Какие еще повреждения?

— Садина на руке. На плече. Головой ударилась.

— Она сидит, лежит?

— Сидит на скамейке.

— Скорую вызвали?

— Да.

— Пусть ляжет, и под голову ей что-нибудь положите.

— Мы говорили, а она не хочет.

— Пусть ложится немедленно!

— Галя, она никого не слушает!

— Дай ей телефон.

— Галя, меня машина сбила! — закричала Настя сквозь слезы. — Я не знаю, как это получилось. Нога болит ужасно! Ой, я ж могла погибнуть! Как же это... Я на ногу ступить не могу!

— С ногой разберемся. Настя, тебе нельзя сидеть, немедленно ложись на скамью и жди скорую.

— Не буду я лежать на улице! Дима отнесет меня в ателье.

— А где ты?

— Возле дома.

«Настюша, слушай тетю, она же врач!» — услышала Галка голос Димы и сразу незнакомый, мужской: «Девушка, вы здесь должны остаться, сейчас полиция приедет».

«Зачем полиция?» — спросила Настя. «Это ДТП, его надо оформить».

— Настя, дослушай меня! — воскликнула Галя.

— Да, слушаю.

— Ложись немедленно и голову положи повыше, на рюкзак положи, на сумку. У тебя может быть сотрясение.

— Ладно, — недовольный ответ.

В телефоне шорох, голоса.

— Я легла.

— Молодец. Лежи спокойно и жди скорую.

— Хорошо... Ой, как нога болит! Ой, как больно... —

И она снова зарыдала.

— Настюша, я еду к тебе, а ты не раскисай. Помнишь, я про Рому рассказывала?

— Да...

— Терпи. Сейчас скорая приедет, они помогут.

— А ты когда приедешь?

— Максимум через полчаса. — Галина Сергеевна завершила разговор и подняла взгляд на пациента. — Простите, но я должна немедленно ехать в Харьков, Настя под машину попала. — Она вышла из-за стола. — Александр Николаевич, я потом выпишу рецепт и позвоню вам.

— Да, конечно. Я понимаю. Галина Сергеевна, если позволите, я мигом доставлю вас в Харьков, — предложил сосед, — я на машине.

— Спасибо, я на нашей скорой, так быстрее будет. — Она запихивала в сумку фонендоскоп.

Александр Николаевич открыл дверь кабинета и пропустил ее вперед.

— Надо же, как некстати, — произнесла она, закрывая кабинет на ключ. — Рома на фронте, он бы так помог! — Она

негодующе мотнула головой, провела пальцем по экрану смартфона и прижала его к уху. — Алло, Михалыч, ты где?

— На вызове, в Любовке, только прибыли.

— Ох, как жаль!

— А что случилось?

— Мою Настю машина сбила.

— Ой, да как же это?! Как она?

— Вроде закрытый перелом голени и ЧМТ.

— Ох, Сергеевна... Где это случилось?

— В Харькове. Ладно, Михалыч, я управлюсь.

На крыльце Галина Сергеевна остановилась и озабоченно посмотрела на Александра Николаевича.

— Слушайте... Пока я дойду до дома, пока возьму машину... Если вы еще не передумали, я воспользуюсь вашим предложением.

— Нет, я не передумал.

Он вынул из наружного кармана барсетки ключи с брелоком и нажал на кнопку. Ближняя к крыльцу машина мигнула фарами.

— Идемте, — Александр Николаевич показал рукой на черный внедорожник.

Он помог ей сесть спереди, и Галя сразу же позвонила сестре. Рита не ответила.

— Пристегнитесь, — сказал Александр Николаевич, засовывая барсетку в бардачок. — Я так понял, вы хотели бы отвезти Настю в госпиталь? — Он повернул ключ в замке.

— Да, конечно, но Рома на фронте, и я не знаю, как быть... У них сейчас очень хорошее оборудование, и ребята грамотные работают. Я позвонила бы начальнику госпиталя, но Рома с ним повздорил, его не хотели отпускать, и он пошел против начальства. — Она грустно усмехнулась. — Молодой, горячий... Кровь кипит. — Она защелкнула ремень безопасности.

— Я могу позвонить начальнику госпиталя, — сказал Александр Николаевич, выезжая со стоянки.

— А вы его знаете?

— Да, знаю. — Он притормозил у ворот и нажал на клаксон, потому что люботинские коты, щедро прикармливаемые больными и персоналом, имели привычку после обеда лежать прямо перед воротами больницы. Коты бросились врассыпную, и внедорожник выехал на улицу. — Сейчас все сделаем. — Он сунул смартфон в держатель на панели, нажал кнопку вызова и включил громкую связь.

— Саша, привет, — услышала Галка голос начальника госпиталя.

— Привет. Мне твоя помощь нужна.

— Давай...

— Насколько я знаю, у тебя работает Роман Рубенович Степанян.

— Да, это наш хирург.

— Тут такое дело, его двоюродную сестру машина сбила, я сейчас еду на место ДТП с матерью Ромы. Вопрос: я могу привезти девушку в госпиталь на обследование?

— Да не вопрос, но почему Галина Сергеевна сама не звонит?

— Говорит, что Рома с тобой повздорил.

— Глупости! Скажи, пусть звонит. И еще скажи, что она вырастила замечательного парня.

— Окей, передам все слово в слово. — Он подмигнул Галине Сергеевне.

— А какие у пострадавшей повреждения?

— Скорая еще не приехала, но пока подозрение на перелом голени и ЧМТ.

— Конечно, сделаем все, что нужно. Я сейчас сообщу на КПП, чтобы тебя пропустили.

— Спасибо, я скоро буду.

Пристально глядя на дорогу, Александр Николаевич переключил скорость и обогнал автобус.

— Не переживайте, все будет в лучшем виде.

— Спасибо, — ответила Галя, и тут же зазвонил ее телефон. Это был Дима.

— Я только что звонил Роме, хотел, чтоб он насчет Насти договорился, но его нет в сети.

Сердце на мгновение замерло и, перевернувшись где-то в горле, забилося в убыстренном темпе. Нет, нет, с Ромой все хорошо, он сейчас на операции, вот и выключил телефон. Или сеть не работает.

— Он может быть на операции, — сказала она, и в горле мгновенно пересохло, — но все нормально, Александр Николаевич, мой сосед, уже договорился с начальником госпиталя насчет Насти. А скорая приехала?

— Нет еще.

— Позвони мне, как только приедет.

— Хорошо.

— Дима, как это произошло?

— Да как ... Пошла через дорогу не по зебре, на красный, а тут маршрутка.

— Ох ... Понятно.

— Галя ... — Он запнулся и продолжил через пару секунд: — Тут такое дело ... Настя с Ритой сильно поссорились. Пожалуйста, сделай так, чтобы Рита с нею не ехала. Настя меня сама просила.

— Я не знаю, как это сделать. Она мать, она имеет полное право.

— Но они очень сильно поссорились.

— Дима, давай разгребать проблемы постепенно. Я приеду, и все решим на месте.

— Хорошо. Жду.

Александр Николаевич посмотрел в зеркало заднего вида:

— Сейчас мы эту черепаху обойдем.

Он виртуозно обошел фуру с красно-зеленым логотипом пива на белом боку и пристроился за микроавтобусом.

— А кто сбил вашу племянницу?

— Маршрутка.

— Да ... — Он негодуяюще мотнул головой. — Сейчас за руль садятся все кому не лень. Заплатил за права и едь.

— Водитель тут ни при чем. Настя сама виновата, она переходила дорогу на красный свет.

— Хм... Я тоже когда-то зацепил женщину, она была виновата, но от этого мне легче не стало. Да, жизнь...

— Жизнь штука хрупкая. — Галя тяжело вздохнула. — В одну секунду может перевернуться с ног на голову.

— Может. Очень даже может. — Александр Николаевич напряженно всматривался в дорогу. — Знаете, мне нравится ваша семья, вы дружные. И сыновья у вас хорошие, интересные.

— Спасибо, — с гордостью в голосе ответила Галя.

— А Рома надолго на фронт уехал?

— Командировка на полгода, так что ждем к концу осени.

— А Стасик сейчас на раскопках?

— Да, под Черновцами.

— Когда вернется?

— Не раньше середины августа.

— Да... Дети... Мой сын тоже на фронте.

— Макс на фронте?

— Да, он связист.

— Ох, Александр Николаевич, я не знала.

— Да он полтора месяца как там. Я про это даже говорить не могу.

Некоторое время они помолчали, и Александр Николаевич продолжил:

— Знаете, я никогда не думал, что поселюсь в маленьком городке. Я родился в мегаполисе и даже мысли не допускал, что буду жить в другом месте. Мне казалось, городок — это что-то очень скучное, а оказалось, жизнь в нем намного интереснее. Теперь я понимаю, почему все события в произведениях Агаты Кристи происходили в деревушках — там все друг друга знают. Но я не про то, что в Люботине не хватает убийств, боже упаси! Я про то, что здесь все иначе. Вот вы мои соседи, в вашей семье есть историк-археолог, военный хирург, врач высшей категории, — он посмотрел на Галку с уважением, — дизайнер одежды — я про Дмитрия Витальевича иначе сказать не могу.

Вот скажите, в каком миллионнике вы сможете общаться за просто с такими людьми? Ни в каком. Я харьковчанин в шестом поколении, родился в девятиэтажке, и мы не знали соседей ни рядом, ни под нами, ни над нами. Вернее, в лицо знали, особенно верхних — время от времени они нас заливали. Ну и нижних, потому как их заливали мы. И больше поводов для общения с соседями не было. А здесь все друг друга знают. Если не лично, то через знакомых. Здесь на одном краю чихнешь, а с другого тебе уже кричат: «Будьте здоровы». В этом что-то есть.

Галя улыбнулась:

— Вам, как главному редактору издательства, это должно быть интересно.

— Да, я главный редактор, но моя работа далека от литературы, я больше промоутер. И вот еще... С тех пор как я здесь, я стал более спокойным, в городке жизнь спокойнее. Природа, воздух, вода — все это способствует... Знаете, я уже вряд ли вернусь в Харьков, да и некуда — квартиру отдал сыну. Думал себе купить в том же районе, но теперь не хочу. Сын женился, невестка не очень общительная, она больше о собственной карьере заботится, работает по двенадцать часов, дома не прибрано, вкусным не пахнет. В общем, у них своя жизнь, и я к ним не лезу. А в вашей семье все иначе, вы очень дружные.

Галка посмотрела в окно — ага... они очень дружные... Особенно с сестрой.

— А зачем возвращаться? Многие люботинцы всю жизнь ездят в Харьков на работу, это же близко. — Она посмотрела на часы — со времени выезда из больницы прошло всего девять минут, а они уже вот-вот пересекут границу города.

— Я тоже сейчас так делаю. Правда, много денег уходит на бензин, но оно того стоит.

Зазвонил телефон, и Дима сообщил, что приехала скорая.

— Отлично, мы будем... Александр Николаевич, когда мы будем на площади Конституции?

— Постараюсь минут через пятнадцать, если без пробок.

— Минут через пятнадцать, — ответила Галя.

— Хорошо, ждем.

— Не волнуйтесь, Галина Сергеевна, все с вашей девочкой будет хорошо.

Разговор прервал звонок Михалыча:

— Сергеевна, как дела? Ты где? Я в больницу уже еду.

— Меня везет Александр Николаевич.

— О, отлично! Привет ему. Держись, Сергеевна.

— Держусь.

Александр Николаевич посмотрел в зеркало заднего вида.

— Вот Михалыч — тоже интересный человек, с ним есть о чем поговорить.

— Я знаю, у вас общее хобби — фотография.

— Да.

— Я видела ваши работы в Инстаграме, они впечатляют. От них исходит любовь к нашему городку, чего не скажешь о комиксах Дахно.

— Согласен. Дахно — это другое. Она Мише завидует. Скажу больше — люто завидует.

Михаила Михайловича Галя знает с детства, он старше ее на три года. И с того самого детства он для нее, для ровесников, всех селян и даже родного, ныне уже покойного отца — Михалыч. Так много лет назад, когда они еще в школе учились, к нему обратился председатель сельсовета на торжественном вручении медали за то, что Миша вынес из горящего соседнего дома двух сестричек, брата и ящик с котятками — телевидение приезжало не только из Харькова, но даже из Киева. Ну и равных ему в мастерстве водить скорую не было. Его неоднократно пытались переманить в Харьков на центральную станцию скорой помощи, давали должность бригадира, надбавки всякие, но он остался верен своей больнице, и ни один главный врач его не обижал. «Я из Люботина никуда, только к Богу», — говорил Михалыч. И не только он — местные жители отличались преданностью и любовью к обычному провинциальному городку, получившему этот статус в тридцать восьмом году прошлого века. А уж с какой гордостью произносили: «Я люботинец!»

И таяли от самого названия, волшебным образом повлиявшего на все: дома, дороги, сады, пруды, базар, магазины, клуб, площадь «трешка», городской парк, кофейню и два небольших рестораника. Все здесь было любо сердцу жителя и быстро становилось любо сердцу гостя или дачника. Так и с Ромкой произошло — не сразу, конечно, но уже через полгода после приезда Галя услышала, как он в зоопарке на вопрос незнакомого мальчика «Ты откуда? У тебя акцент» ответил: «Я из Армении, но моего села больше нет. Теперь я люботинец».

— А хотите знать мое мнение по поводу того, почему ваш городок населен интересными людьми? Почему здесь родилась слепой кобзарь, столько поэтов, художников?

— Почему?

— Потому что здесь много воды. Столько прудов нигде больше нет — шутка ли! — тридцать водоемов. Здесь я себя лучше чувствую, здесь легче дышится, легче живется, мои мысли становятся чище. Я хорошо сплю. А как останусь в Харькове, так всю ночь проворочаюсь без сна. После этого поверишь, что вода вбирает в себя все плохое, весь негатив.

— Наверное, вы правы, но я как-то об этом не думала.

— Потому что привыкли. Мы не замечаем того, к чему привыкаем. Ну и еще название влияет на людей.

— О, да, — согласилась Галя, — мои дед и бабушка выбрали это место из-за названия.

Да, название Люботин действительно притягивающее, оно притянуло дедушку и бабушку, тогда молодых и счастливых тем, что война не отняла у них жизни. Но она отняла жизни дедушкиных родных, и возвращаться ему было некуда. Войну дедушка закончил в Венгрии, и случилось так, что на железнодорожном вокзале в Будапеште он, командир танкового экипажа, в поисках начальника вокзала — ну не мог он купить билет до Киева! — открыл не ту дверь и попал в диспетчерскую. А там бабушка сидит, двадцатипятилетняя, чернобровая, кареокая... Она его прогнать хотела, но как глянула в синие бездонные глаза, так и прикипела к стулу. В общем, он забыл, что ему нужен

билет домой, тем более дома не было, семьи не было — кого немцы расстреляли, кто на войне сложил голову... Он дождался конца бабушкиной смены и с того дня руку ее не выпускал из своей до последнего вздоха. А как они попали в Люботин? Да очень просто — решили ехать туда, где цветут сирень с черемухой и растут самые вкусные яблоки, а это только в Украине. Она из детского дома, так что перед ними лежала вся страна — выбирай. Добрались они до Харькова — там самые вкусные яблоки и самая пахучая сирень. Вышли на вокзале — и к расписанию. Стоят, читают:

— Змиев...

— Нет, туда не поедет, там наверняка змеи водятся, а я их боюсь, — сказала бабушка.

— Грайворон...

— Нет, не хочу, звучит как-то... как немец лает.

— Балаклея...

— Ба-ла-кле-я... Не хочу.

— Ой, любимая, смотри — Люботин.

— Знаю это место, там большой железнодорожный узел.

Может, я смогу работать по специальности?

Они переглянулись и купили билеты. Обнявшись, они сидели на деревянной лавке в общем вагоне и были уверены, что нашли самое счастливое место на всем белом свете. Так оно и оказалось. Но не думали они, что городок этот еще и красив неимоверно, а красота его таится в воде. Она здесь повсюду — в реке и прудах, их тут очень много. И все население, как только пригревало солнце, тянулось к воде. Вечером люди надевали все самое лучшее и тоже шли к воде — гуляли вдоль прудов, жгли костры, пекли картошку, пили домашнее вино, дружили, влюблялись... Женились, рожали детей и не покидали городок. А если покидали, то обязательно возвращались. Не столько к родным и друзьям, сколько к воде, чтоб рассказать ей о пережитом и прожитом, чтоб отдать свои слезы и горести, поделиться тайною и попросить помощи. И не раз можно было заметить ночью на берегу одинокую женскую или мужскую

фигуру, застывшую в неподвижности со склоненной вниз головой; называли их «ундинами». Называли с нежностью, жалостью и пониманием. А родники с «живой» и «мертвой» водою, бьющие рядом и сливающиеся в один большой ручей? А дно этого ручья, якобы из целебной глины? Сколько во всем этом вымысла, а сколько правды, никто не знает, но люди ходят к этим родникам, берут воду и глину. Мертвую воду тоже берут. Не одного люботинца уже обвинили в том, что он побрызгал мертвою водою ворота соседа, и на тебе, заболел сосед, или того хуже...

— А я вам о чем! — воскликнул Александр Николаевич. — Нам с Леной тоже название понравилось. — Он потер пальцами гладковыбритый подбородок и уставился на дорогу. — А на каком курсе ваша Настя? — спросил он через некоторое время.

— На третьем.

— Ого, как время летит! Она у вас интересный человек, серьезный, я как-то разговаривал с нею. На жизнь смотрит не так, как большинство ее ровесников.

— А на дорогу не смотрит! — в сердцах бросила Галка.

— Не переживайте, все будет хорошо с вашей девочкой. Ну, ты мне надоел! — крикнул он впереди идущему автомобилю и крутнул руль влево. — Я вижу, Настя к вам очень привязана.

— Да, это так.

— Это потому, что вы хороший человек.

— Спасибо за комплимент, Александр Николаевич.

— Это не комплимент, это правда. А теперь, дорогая Галина Сергеевна, приготовьтесь к пробкам. Хотя... Мы поедем не по Полтавскому Шляху, а через Благовещенский рынок.

Ближе к рынку движение оживилось, и Александр Николаевич перестал разговаривать. Вцепившись в руль, он обгонял, виртуозно вписываясь в ряд на светофоре и через непостижимо короткое время, всего двадцать три минуты, они въехали на площадь. Скорая стояла у обочины, ближе к середине

дороги — маршрутка, за нею машина полиции, и вокруг всего этого небольшая толпа любопытных.

— Галина Сергеевна, я поеду за вами до госпиталя, — сказал Александр Николаевич.

— Спасибо вам большое. — Набросив на плечо сумку, Галя выскочила из машины и ринулась в толпу, закрывавшую от нее скорую.

Возле распахнутых настежь задних дверей стояли Дима и две швеи из ателье. Настя уже лежала внутри скорой на носилках. На откидном сиденье, сцепив руки, примостилась Рита. Немолодая медсестра с добрым мясистым лицом накладывала шину Крамера на левую голень Насти.

Дима протянул Галине руку:

— Давай помогу.

— Здравствуйте, я тетя Насти. — Галя ловко забралась в машину и села напротив Риты. — Я врач.

— Доброго дня! — медсестра кивнула. — А то я не бачу!

Настя улыбнулась жалкой улыбкой — бледная, скулы заострились, волосики прилипли к лицу. Поверх простыни лежит рука в пятнах засохшей крови и с ссадиной от плеча до локтя.

— Здравствуй, — сказала Рита и уставилась в какую-то точку перед собой.

— Настюшенька, девочка моя... — Галя провела ладонью по волосам племянницы.

Настя всхлипнула, и по ее виску потекли слезы.

— Что ж теперь будет? Нога сломана, в голове гудит... — она сморщила лицо, — и рука... вот... — Она приподняла локоть, демонстрируя внушительную ссадину.

— Ничего страшного, — медсестра улыбнулась, — ножка твоя срастется, ручка заживет.

— Все будет хорошо. — Галя убрала прядь, прилипшую к Настиной щеке. — Плакать не нужно, хорошее настроение способствует быстрому выздоровлению.

— О чем ты говоришь? Какое хорошее настроение? — Ее подбородок мелко дрожал.